

**ШКОЛА
МЫРЯЛЬЩИКОВ**

Дмитрий ЕМЕЦ

Череп со стрелой

Москва 2014
ЭКМО

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е 60 Череп со стрелой : роман / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр, новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-699-71654-8

Череп со стрелой – артефакт, созданный сотни лет назад одним из первых ныряльщиков. С его помощью можно доставать мощные магические закладки, каждая из которых способна спасти чью-то жизнь. Артефакт этот бесценный, но очень капризный, и никто, кроме его создателя, никогда не мог с ним совладать. И самое главное, каждому последующему владельцу он приносил лишь смерть. А позже череп и вовсе исчез. И вот теперь, непонятно откуда и как, он появился вновь и даже выбрал себе хозяина. Значит, кто-то из шныров обнаружил целое хранилище закладок. И этот «кто-то» подвергается небывалой опасности.

**УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-71654-8

© Емец Д. А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре деревя, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре деревя, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гисл
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Сердца слышат только надрыв-
ный юродивый крик. И, по сути,
больше ничего.

Кавалерия

Каждый писатель похож на звук
определенной тональности. Стоит
тысяча бокалов разных размеров и
форм, и вот, когда звучит какое-ни-
будь особенное для третьей октавы,
сто из них звякают. Другому звуку
отзываются двести бокалов, третье-
му — всего пять. Каждый писатель —
такой звук. Причем подделать его
или симулировать, думаю, вообще
невозможно.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Вместо эпилога

— Почему этот псих гнался за мной с топором? Я же видел его первый раз в жизни!

— Это подсевший на псиос берсерк с временным опережением плюс один!

— Кто-о?

— Поясняю. Если ты щелкнешь его по носу сейчас, он почувствует это час назад. Таким образом, если он за тобой гонится сейчас, значит, ты сделаешь ему гадость в течение ближайшего часа.

— Ну да! Я кинул в него кирпичом, когда он за мной погнался!

— Ну вот. Что и требовалось доказать!

ВВР —

внутренние воображалки Рины

Сашка понял, что находится на дороге и куда-то идет. Потом узнал место. Он двигался от Копытово к ШНыру и уже различал полоску ограды. Впереди на дороге стоял Горшениа, казавшийся отсюда маленьким, и смотрел в его сторону. Потом фигура Горшениа качнулась и куда-то исчезла.

Полоска ограды была серого цвета. Значит, раннее утро. Вечером она бывает светлой, с серебром. Почему? А просто бывает, и все. Вещи проще воспринимать такими, какие они есть, не выковыривая из них голый смысл, как изюм из булки.

Из Сашкиной памяти выпал целый кусок, но насколько большой — этого он сказать не мог, лишь фиксировал неуютную пустоту. А что, если... Сашка

Дмитрий Емец

схватился за рукав. Уф! *Нерть* на месте, значит, был не в плену! Берсерки *нерти* бы не оставили!

Пряча руку в карман, Сашка задел грубую кожу куртки и взвыл от боли. Две крайние костяшки распухли и были горячими. Завтра суставы отекут и кисть станет нерабочей. Заодно он оглядел и левую руку. С ней было все в порядке. Что ж! Будет хоть чем молнию застегивать.

Было промозгло. Сырость вползала за ворот и в рукава. Видимо, ей тоже хотелось согреться. Сашка перелез через ограду ШНыра и, привычно спрыгнув, плюхнулся в нерастаявшую кучу снега. Чьи-то руки схватили его и выдернули из сугроба как морковку. Сашка увидел фигуру в бараньем тулупе. Горшениа, которого Сашка прежде видел на дороге, стоял и покачивался, похожий на колоссальных размеров чучело. Янтарные пуговицы смотрели на Сашку непонятно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Сашка, стараясь, чтобы голос звучал весело.

— Жду! — сказал Горшениа несколько, как показалось Сашке, зловеще.

— Кого ждешь?

— Тебя!

— Не ешь меня! — поспешно сказал Сашка, расставляя руки, как Ивашка, не желающий лезть в печь.

— Горшениа не будет тебя есть! — сказал гигант.

Сашка насторожился. Каждый шныр традиционно боится двух вещей. Первая: оказаться внутри Горшениа и торчать у него в животе, издавая одинокие крики и дожидаясь, пока кто-нибудь догадается тебя спасти. Вторая: что Горшениа его не съест и это

Череп со стрелой

будет означать, что с тобой что-то не так, потому что Горшеня ест лишь тех, кого любит.

— Почему? — спросил Сашка.

Горшеня взял его за плечи и, развернув лицом к ШНыру, легонько подтолкнул в спину.

— Тебя ждут! Иди! И... живи! — сказал он.

Сашка послушно побрел по снегу к светлеющему за деревьями ШНыру. Потом обернулся. Горшеня стоял на прежнем месте и смотрел ему вслед. Во всей его позе было что-то зашкаливающе торжественное.

Сашка поднялся на крыльцо. Открытая дверь дохнула живым теплом. Еще с порога он почувствовал сложный запах старой штукатурки, пригоревшей еды, глины, незаконно просочившихся котлов, расстрескавшегося паркета, сосновой хвои с *двушки*, кожаных курток, свежих булок, пегасни, шиповника и самшита. Все вместе, невообразимо сочетаясь и перемешиваясь, создавало непередаваемую атмосферу ШНыра.

Сашка никогда не считал себя особо чувствительным человеком. А тут его словно захлестнуло. Он привалился плечом к стене, закрыл глаза и почувствовал, что очень-очень любит это место и всегда хочет сюда возвращаться.

Из столовой доносился гул голосов. Звякали вилки. Чтобы не опоздать на завтрак, Сашка напрямик направился в столовую. Щелкнув ногтем по капающему крану, прошел мимо умывальников. Вшагнул в открытые двери. Кто-то поднял голову, увидел Сашку и издал звук, какой бывает, когда человек давится

Дмитрий Емец

горошиной и резким выдохом пытается исторгнуть ее из горла.

Сашка двигался к своему привычному месту, и с ним вместе по столовой прокатывался шерстяной шар тишины. Вот Рузя не донес до рта вилку. Вот Вовчик посмотрел на Сашку, равнодушно отвернулся, потом опять, точно спохватившись, посмотрел и, что-то медленно соображая, стал постепенно синеть, сползая со стула. Вот Суповна, перестав кричать на неуклюжую Надю, застыла с разинутым ртом, и правая ладонь ее слепо шарит по груди, отыскивая не то крестик, не то сердце.

Ничего не понимая, Сашка опустил на свободный стул напротив Рины. Рина его пока не замечала. Была как деревянная. Смотрела в тарелку и ела точно робот, не глядя по сторонам. У нее были красные глаза, а под ними сиреневые подковы.

— Эй! — окликнул Сашка. — Ты чего? Тебя кто-то обидел?

Рина медленно оторвалась от тарелки. Увидела Сашку, закричала как птица и, толкнув стол, метнулась к выходу. Это послужило сигналом. За ней, опрокидывая стулья, с воплями ринулась целая толпа. Столовая мгновенно опустела. Остались только Ул, Яра и Меркурий. Кавалерии и Кузепыча не было с самого начала. Возможно, они с утра ушли в пегасню.

Сашка остался за столом в одиночестве. Через некоторое время к нему осторожно подошел Ул и опустил на краешек стула. Сашка обратил внимание, что руку Ул держит на запястье, готовый пустить в ход *льва на нерти*.

Череп со стрелой

— Привет! — сказал Ул.

— Привет!

— Это ты?

— Ну да... я, — подтвердил Сашка.

— Точно ты?

— Точно я!!! — сердито крикнул Сашка.

Его крик подействовал на Ула успокаивающе.

— Ну да! — сразу согласился он. — Ты и ты! Дело хорошее! Горячиться-то, чудо былиин, зачем?

С минуту они помолчали. Ул поглаживал пальцами рукав и явно не знал, что еще спросить. Потом все же нашелся, не слишком оригинально, но надежно:

— Дела-то как?

— Нормально.

— Спал-то хорошо?

— Я не спал, — сказал Сашка.

— А, ну да... Лежал! Что ж, тут оправдываться нечего! Полезно иногда полежать. Сам люблю! — охотно согласился Ул и посмотрел на Сашкину щеку, а потом на лоб.

— Что такое? — спросил Сашка.

— Ничего! — торопливо ответил Ул и, опустив глаза, очень заинтересовался столом. Казалось, его очень волнует, почему, например, просыпан сахар. Это же непорядок! Сахар же денег стоит! Или почему вилка лежит так далеко от ложки? Не является ли это дискриминацией или чем-нибудь еще?

Рядом с умывальниками что-то завозилось. Или споткнулось. Или чихнуло. Или все вместе. Сашка повернул голову. Из коридора в столовую заглядывал Рузя, держа в руках старый арбалет, который до

Дмитрий Емец

этого висел в холле рядом с огнетушителем. Ул, как и Сашка, оглянулся на Рузю с опаской и махнул рукой Яре, умоляя ее убраться куда-нибудь Рузю и при этом самой не угодить под выстрел. Воинствующий пингвинчик был способен всадить болт во все, кроме мишени, которая одна пребывала в относительной безопасности.

Сашке окончательно надоел этот цирк. Он решил, что в своем временном забвении что-то натворил, о чем Улу, конечно, известно, потому что иначе Ул так бы себя не вел. Сашка взял со стола большой огурец — летом Суповна солила их во множестве — и, для решительности откусив большой кусок, с вызовом уставился на Ула:

— Ну говори! Чего я еще начудил?

— Когда начудил? — удивился Ул.

Казалось, его больше занимает не вопрос, а то, что Сашка жует. Ул посекундно переводил взгляд на огурец и проверял, действительно ли тот становится меньше.

— Сегодня ночью. Или не ночью. Не знаю.

— Правда не знаешь? — уточнил Ул, перестав разглядывать огурец.

— Нет.

— Да, в общем, ничего ты не натворил. Ты совершил подвиг.

— Какой подвиг?

— Хороший подвиг, — уклонился от описания Ул. — Правда, есть, чудо былин, небольшая проблема! Можно сказать, карликовая!

Череп со стрелой

— Какая? — с облегчением спросил Сашка. Иметь дело с карликовой проблемой было не так страшно, как с большой.

— Да такая вот проблема... Убили тебя. Понимаешь?

— Убили? — недоверчиво переспросил Сашка. — Меня?

— Ну да! — радостно согласился Ул.

Сашка снова посмотрел на дверь, куда Яра увлакивала упирающегося Рузю.

— Бред какой-то! Так значит, Рина тоже подумала, что...

— Не обращай внимания! — утешил Ул. — Девушки вечно заморачиваются из-за ерунды. У Яры, например, замечательное чувство юмора, но, когда я натянул ее новые колготки на свои грязные ботинки, как же она орала! И с Риной твоей то же самое... Куча мелких предрассудков!

— Значит, не обиделась? — спросил Сашка.

— Да какие тут обиды? Сложность в том, что мы тебя вчера похоронили!.. А она тебя любит! Ну и отсюда уже беготня и всяческие настроения! — объяснил Ул.

Сашка зачем-то снова откусил огурец, брызнувший рассолом ему в глаз.

— Меня похоронили? Где?

— Ну, тебе проще вспомнить... Где всех хоронят... Ничего кардинально нового! — сказал Ул и, заметив, что Сашка приподнимается, взялся за *нерть*.

— Лучше не надо! Просто для взаимного спокойствия... Не то чтобы я не уважал мертвецов, но если уж умер, то и не броди потом.

— Может, я был ранен? — отупело спросил Сашка.

